

A woman with long, wavy blonde hair and blue eyes is sitting on a grassy lawn. She is wearing a white, off-the-shoulder dress with intricate floral embroidery and a deep V-neckline. She is looking directly at the camera with a slight smile. In the background, there is a large, ornate castle with multiple towers, arched windows, and a balcony. The castle is lit up from within, and the scene is set during the day with soft lighting.

НАДЕЖДА
СОКОЛОВА

МИЛЕДИ
АНАСТАСИЯ
И ЗАЧАРОВАННЫЙ ЗАМОК

Надежда Соколова

Миледи Анастасия и

зачарованный замок

<https://litres.ru/74423683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне 35, я - модельер с Земли. В магический мир попала по воле моей матери, сильной колдуньи. Она уверена, что мне пора выйти замуж и родить ей внуков. Что ж, дорогие женишки, становитесь в очередь, буду выбирать себе мужа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Надежда Соколова

Миледи Анастасия и зачарованный замок

Глава 1

- Как, ну вот как можно жить без царя в голове?! – ворчала моя домовушка, убирая комнату, при этом она с такой яростью взбивала подушки, будто те были моими потенциальными женихами. – Ты, Настька, вообще ни о чем не думаешь! А у нас, между прочим, зима на носу! Скоро снег повалит такой, что даже твои голубые глазищи не разглядят ни одного приличного эльфийского замка за сугробами, а ты всё в облаках витаешь! И нет чтобы заранее присмотреть себе хоть какого-нибудь дракона, что ли, — они, между прочим, зимой особенно романтичные становятся, потому что от холода их чешуя переливается всеми цветами радуги, и любой из них будет рад согреть такую холодную блондинку своим хвостом, а ты даже на прошлой неделе отказалась от приглашения в гости к северному лорду, который, между прочим, владеет тремя хрустальными шахтами и лично приносил тебе букет из ледяных роз!

- Смотри при гостях меня Настькой не назови, - хмыкнула

я, внимательно осматривая себя в зеркало. Хороша, ох хороша! Высокая, худощавая, синеглазая, да еще и блондинка. Все, как любят местные аристократы – им подавай этакую ледяную принцессу, которая и бровью не ведет, когда вампир томно вздыхает у её ног, а если эльф случайно уронит перед ней венок из омелы, то она лишь холодно поправит прическу и скажет, что омела — это не ее размер. – Да и до зимы еще три месяца. Успею я себе мужа найти. Так что прекрати ворчать, Лиска, а то я сейчас тебе прикажу пыль собирать с самой высокой люстры – там у тебя как раз будет время подумать о моей личной жизни, пока ты будешь балансировать на хрустальных подвесках и вспоминать, как сама когда-то в молодости сохла по одному троллю, который, между прочим, даже не умел правильно складывать поленья в камине.

- Ищи, ищи, - мою домовушку не так легко было остановить. Она метнула в сторону тряпку с таким видом, будто это был смертельный артефакт. – Ты, Настька, матери своей что обещала? Что выйдешь замуж! Наконец-то! И проживешь здесь, в этом замке, год как минимум! Тебе, дурынде такой, уже тридцать пять лет! Давно пора остепениться, мужа найти, детишек родить, а не то твой родовой замок скоро превратится в приют для бродячих фамильяров, потому что ты вечно подбираешь всяких хромых котов и говорящих ворон, вместо того чтобы заняться серьезным делом – например, начать соблазнять соседнего оборотня, у которого, я слышала, шесть поместий и очень теплая шуба на зиму! А ты толь-

ко и думаешь, что о своих клиентках, которые, такие же как ты, бездумные куклы! Настька! Я с кем говорю!

- Ты не говоришь, ты ворчишь, - я поправила на своем платье молочного цвета, с приличным декольте, брошку в виде лилии, которая, кстати, была не простой, а зачарованной – стоило какому-нибудь кавалеру сказать лишнюю пошлость, как лилия начинала противно пахнуть тухлой рыбой, чем я не раз пользовалась на светских раутах. – Это разные вещи. И я уже сто раз отвечала: без любви замуж не выйду, ни на Земле, ни здесь, в Растусе. Пусть хоть вся магия этого мира против меня будет, хоть сам Верховный Совет явится с брачным договором, подписанным под кровавой луной, — я лучше сбегу в туманные болота к кикиморам, чем буду делить постель с тем, кто путает имя любимой кошки с именем своей бывшей невесты. А матушке моей вспомнить пора, как они с батюшкой познакомились. И как воевали друг с другом поначалу, решая, кто из них более сильный маг – она тогда спалила ему любимый посох, а он превратил её фамильные серьги в лягушек, и ничего, оба живы-здоровы, до сих пор спорят, кто в тот вечер был пьянее, и каждую годовщину устраивают показательные дуэли на кухне, от которых дрожат все кастрюли в округе. Она думает, что раз они на Землю перебрались, как только я родилась, то...

Я не договорила – по комнате разлился хрустальный звон. Гости. Гости собираются внизу. Все местные аристократы: эльфы, вампиры, оборотни, орки и прочие расы – я даже

сквозь стены слышала, как один особо пылкий вампир уже начал рассказывать свою родословную за три тысячи лет, при этом он так сладко вздыхал, будто перечислял не имена прабабушек, а названия лучших сортов крови, а орк-барон с грохотом требовал вина, потому что шампанское, по его словам, «только усы мочит», и судя по звуку, он уже успел опрокинуть первый кубок на голову соседнему эльфу, который теперь вежливо, но настойчиво предлагал всем присутствующим обсудить «культуру питья в разных мирах». Пора было спускаться в холл, приветствовать гостей – а заодно проверить, не принес ли кто из них с собой ту самую любовь, о которой я так упорно мечтала, пока домовушка ворчала о моей бестолковой голове, и, если честно, я уже мысленно прикидывала, кто из этих гостей хоть немного похож на героя моего несостоявшегося романа, а кто — на очередной повод для ворчания Лиски.

На Земле я трудилась модельером – ну, скажем так, не в «Шанель», а в крошечной мастерской, но я гордо именovala это «творческой лабораторией», потому что слово «ателье» звучало слишком пафосно для комнаты, где вечно пахло тканью, а на стульях лежали горы невыкупленных заказов. До известных собратьев и сосестер мне было далеко, как от этого замка до ближайшей деревни с нормальным трактиром, где, между прочим, подавали жареных кабанов и эльфийское пиво, а не эту кислятину, которую местные называют «нектаром богов».

Но оригинальностью мои наряды все же отличались – например, я любила вшивать в подолы потайные карманы для носовых платков и мелких артефактов, чем приводила клиенток в восторг, а портных – в легкое замешательство, потому что они вечно путали, с какой стороны у этих карманов должна быть застежка, и однажды чуть не вшили в вечернее платье мышеловку. И спросом пользовались, особенно среди тех дам, которым надоело выглядеть как все остальные леди с одинаковыми рюшами, бантами и вечными кружевами, от которых чесалась шея и хотелось немедленно всё порвать.

То платье, в котором я собиралась появиться перед гостями, было сшито по моим эскизам – я лично подбирала каждую нитку, чтобы оно не просто висело, а жило своей собственной жизнью, и, честно говоря, я даже шепнула ему пару ласковых слов перед зеркалом, чтобы оно в ответ не вздумало стянуться в талии в самый неподходящий момент. В меру закрытое, относительно длинное, в этом патриархальном мире оно должно было вызвать фурор среди обоих полов: мужчины бы оценили декольте, женщины – изящный крой, а особо дотошные маги наверняка заметили бы, что в левый рукав я зашила тончайшую серебряную нить — на случай, если кто-то из гостей попытается наложить на меня заклинание приворота, от которого у моей бабушки однажды выросли усы. На это я и рассчитывала.

Мы с матушкой заключили негласное соглашение: я ищу жениха, но параллельно торгую собственными нарядами –

она обещала прикрывать меня перед батюшкой, пока я буду развешивать образцы на манекенах, и делать при этом такое загадочное лицо, будто мы обсуждаем государственные тайны, а не длину юбок для предстоящего бала. А может, и открою свое модельное агентство — с выездными показами, местными эльфийскими манекенщицами, которые, кстати, были такими худыми, что вечно терялись на фоне декораций, и обязательным фуршетом после, на котором, я твердо решила, будет подаваться только нормальная земная еда, а не эти странные растусские пирожки с начинкой из светящихся грибов, от которых потом три дня икается радугой. Батюшка был не в восторге от такой перспективы, но противоречить нам, своим женщинам, поостерегся — он еще помнил тот случай, когда матушка превратила его любимые тапочки в кактусы за одно лишь критическое замечание о её новой шляпке, и с тех пор на любые мои «творческие порывы» он лишь тяжело вздыхал и уходил чистить свой посох, бормоча, что «женская логика — это страшная магия».

Так что здесь и сейчас, в свой первый выход в свет, я собиралась показать товар лицом — и не только свое собственное лицо, но и каждый стежок, каждую складку, каждую блестящую пуговицу, которые я собственноручно пришивала до полуночи под ворчание Лиски, при этом она то и дело подавала мне иголки с таким видом, будто я собираюсь не шить, а зашивать ей рот, и пару раз даже перекусила нитку зубами в качестве молчаливого протеста. И, возможно, обеспе-

читать себе клиенток из числа высшей аристократии – тех самых дам, которые смотрят на тебя сквозь лорнет и оценивают не столько тебя, сколько твой подол, а заодно прикидывают, можно ли скопировать этот фасон у своей портнихи за полцены, или же придется все-таки раскошелиться на оригинал, потому что эльфийский шелк, знаете ли, не терпит вторичности.

Я спустилась в холл по широкой мраморной лестнице, накрашенная так, будто собиралась на обложку местного «Вог», только вместо глянцевого журнала здесь были вампиры с бледными лицами и орки с не менее бледными от выпитого бокалами, с прической на голове, которая держалась на честном слове и двадцати невидимых шпильках, и я мысленно молилась всем растусским богам, чтобы ни одна из них не вылетела в самый неподходящий момент — например, когда я буду делать реверанс перед каким-нибудь важным драконом, у которого, по слухам, была очень острая память на женские прически, в чудесном нарядном платье, переливающимся при каждом шаге так, что даже вампиры прищурились, а один юный оборотень даже зажмурился, решив, что это у него начинается весеннее обострение аллергии на блески.

Народ, собравшийся перед лестницей, мгновенно затих, увидев меня – и это была та самая тишина, когда слышно, как орк нервно сжимает бокал, а эльфийка прикидывает, сколько таких же платьев закажет на следующей неделе, и при

этом так старательно делает безразличное лицо, будто её интересует исключительно архитектура замка, а не этот умопомрачительный разрез на рукаве, о котором она уже начала шептаться со своей соседкой-феей.

- Здравствуйте, дамы и господа, - улыбнулась я своей фирменной улыбкой, которую тренировала еще на Земле перед богатыми клиентками – такой полуприщур, полупризыв, чтобы они думали, будто я знаю их самый сокровенный секрет, а на самом деле я просто вспоминала, не забыла ли погладить воротник, и не торчит ли там случайно кончик нитки, за который кто-нибудь из гостей мог бы дернуть и размотать все мое вечернее великолепие. – Я – миледи Анастасия, хозяйка этого замка. Добро пожаловать. Рада вас всех видеть здесь – и особенно рада тем, кто уже присматривается к моему подолу с профессиональным интересом, потому что, поверьте, я умею отличать горящий взгляд искусствоведа от просто горящего взгляда голодного вампира, и вторая категория сегодня может рассчитывать только на бутерброды с печенью, а не на экскурсию в мои швейные секреты.

Народ захмыкал – кто-то одобрительно, кто-то скептически, а один старый эльф даже хмыкнул так громко, что у него задребезжала монокля на цепочке, и я мысленно поставила галочку: этот точно пришел не за платьем, а за тем, чтобы меня критиковать, но я была готова и к такому повороту. Представление удалось. Что ж, теперь закрепим успех.

Глава 2

Мы вошли в богато украшенный зал, в котором играла тихая музыка – настолько тихая, что я сначала подумала, будто у меня заложило уши, но потом разглядела в углу маленький оркестр из полупрозрачных фей, которые дули в крошечные флейты и явно сэкономили свои магические силы на весь вечер, потому что каждая нота доставалась им с таким трудом, будто они выдували не мелодию, а последние крошки своего вдохновения, и я даже заметила, как одна из них украдкой зевнула прямо в свою флейту, отчего раздался такой писклявый звук, будто мышь наступила на собственную лапку. Украшения развесили слуги – с таким усердием, что позолоченные гирлянды свисали даже с карнизов, где обычно сидела только вековая пыль, и теперь эта пыль, видимо, обиженно перебиралась на шторы, потому что конкуренцию с блестками она явно не вытягивала, а люстры сияли так, что в них можно было разглядеть собственное будущее, если прищуриться, и я, кстати, прищурилась чисто из любопытства – и, кажется, увидела там себя, танцующую с очередным эльфом, который смотрит не в глаза, а опять в мою брошь.

Музыка была магической – она звучала не столько для ушей, сколько для ног, подталкивая их к движению и заставляя даже самого степенного орка притоптывать в такт, причем этот бедный орк сначала пытался сопротивляться, но

через минуту уже отбивал ритм так усердно, что у него задрезжала цепь на животе, и мне стало искренне жаль его бокал, который явно не переживет такого трясучки. Замок был наполнен магией – она висела в воздухе, как запах свежей выпечки, переливалась в зеркалах, искрилась на кончиках пальцев гостей и, кажется, даже просочилась в мою прическу, сделав её еще более устойчивой к сквознякам, так что теперь я могла смело поворачивать голову без риска, что шпильки разлетятся по залу, как стая испуганных светлячков. И здесь и сейчас проявлялась небольшая ее часть – ровно столько, чтобы никто не упал, никто не чихнул неожиданно, и чтобы бокалы с вином сами собой не опрокидывались, хотя один особо нервный вампир все же ухитрился уронить свой фужер, но магия тут же подхватила его на лету и вернула в руку, причем так ловко, что он даже не заметил, а я заметила и мысленно поаплодировала невидимому распорядителю вечера.

Танцевать я умела, родители заставили выучить все местные танцы – включая те, где надо кланяться каждые три секунды и следить, чтобы шлейф не запутался в ногах партнера, иначе тот может обидеться и вызвать тебя на дуэль за оскорбление чести, причем дуэль будет не шуточная, а на шелковых шпагах, которые, говорят, оставляют такие тонкие порезы, что рана заживает только через сто лет, и это при том, что я даже не наступила ему на ногу, а лишь слегка задела носком его идеально начищенный сапог.

И поэтому я с удовольствием приняла предложение молодого симпатичного эльфа и закружилась с ним в ранталыне – этой опасной смеси вальса и легкого танго, где надо одновременно парить, как перышко, и при этом жестко отбивать ритм каблуками, словно ты выбиваешь из паркета признание в любви, и, надо сказать, паркет под нами уже начал издавать подозрительные стоны, будто тоже хотел присоединиться к нашему разговору, но стеснялся.

- Вы великолепно выглядите, найра Анастасия, - сделал мне комплимент эльф, не отводя взгляда от моего декольте, причем смотрел он так сосредоточенно, будто изучал там карту звездного неба или, на худой конец, пытался пересчитать все блески, которые я собственноручно пришила к вырезу, и я даже на секунду задумалась, не начинать ли брать с таких пристальных зрителей плату за лекцию по астрономии, потому что если он сейчас же не переведет взгляд на мои глаза, я рискую получить от него предложение руки и сердца, основанное исключительно на количестве бисеринок на моей груди.

- Благодарю, найр, - я затрепетала ресничками, показывая, что смущена, при этом я изо всех сил сдерживала желание закатить глаза, потому что за годы работы модельером я привыкла, что мужчины сначала пялятся в вырез, а уже потом, если повезет, замечают, что платье-то сшито с душой, и даже если им удастся оторвать взгляд от ткани, они все равно смотрят на тебя так, будто ты не женщина, а ходячий ма-

некен для демонстрации последней коллекции, и единственное, что их волнует, — не потеряется ли эта модель в следующем сезоне. — Это платье мое любимое. Его шили по моим эскизам, — впрочем, я могла бы сейчас прочесть ему целую лекцию о драпировке, свойствах шелка и сложности кроя, но, судя по его отсутствующему взгляду, он бы слушал меня примерно с тем же интересом, с каким слушают лекцию по гоблиноведению, когда за окном светит солнце и хочется танцевать, а не сидеть в пыльном зале и запоминать, сколько видов гоблинских зубов бывает в природе.

Эльф с умным видом покивал — так кивают, когда хотят показать, что уловили суть, хотя на самом деле думают о чем-то совершенно другом, например, о том, как бы пригласить меня на второй танец и случайно наступить мне на шлейф, а потом изобразить такое искреннее удивление, будто это не он, а коварный сквозняк подставил ему ногу, и при этом его уши слегка подрагивали, выдавая внутреннее волнение — я заметила это еще на первом круге, когда он чуть не пропустил такт, потому что засмотрелся на свое собственное отражение в моей броши. Но я была готова побиться об заклад — причем не на деньги, а на ту самую брошь в виде лилии, которая, кстати, стоила целое состояние и могла бы рассорить меня с матушкой на год, если бы я её проиграла, — что его не интересовало само платье. Ему нравилось то, что было под ним, а все мои дизайнерские ухищрения служили для него лишь красивой оберткой, которую он мысленно уже развер-

нул, не дожидаясь десерта, и, судя по тому, как он облизнул губы, когда я повернулась к нему спиной, этот десерт он представлял себе очень даже отчетливо, возможно, даже с вишенкой на вершине.

Когда рантальина закончилась, я вежливо высвободилась из эльфийских рук и сделала шаг в сторону, надеясь перевести дух и поправить шпильку, но не тут-то было – передо мной уже возник вампир, да не какой-нибудь захудалый граф из глухой провинции, который питается кровью кроликов и носит потертый камзол с заплатками, а высокий, бледный, с пронзительным взглядом и такой томной улыбкой, будто он только что прочитал все мои мысли и нашел их весьма пикантными, особенно ту часть, где я думала, не слишком ли сильно накарсила ресницы на сегодняшний вечер. Он молча поклонился – так глубоко, что я испугалась, не треснет ли его аристократическая шея, которая, судя по бледности, давно не видела солнечного света и даже свечи, – и протянул мне руку ладонью вверх, словно приглашал не на танец, а на светскую беседу с последующим укусом, и я невольно покосилась на его клыки, которые, надо отдать должное, были ухоженными и блестящими, будто их только что отполировали специально для такого случая. Пришлось принять, потому что отказывать вампиру в танце – это всё равно что плюнуть в фамильный склеп, обидится и будет присылать мне летучих мышей с гневными записками до конца месяца, а еще хуже — он мог бы начать распускать слухи, что у

меня, мол, дурной вкус на партнеров, и тогда ни один уважающий себя оборотень не пригласит меня на следующий бал.

И мы закужились в «норнете» – местном танце, который напоминал медленный фокстрот, но с такой амплитудой движений, будто партнеры измеряют длину зала собственными телами, и при этом надо сохранять на лице выражение полной безмятежности, даже когда тебя разворачивают так резко, что твоя юбка описывает круг, способный сбить с ног сразу трех орков. Вампир двигался бесшумно, как сама смерть в выходном костюме, и его холодные пальцы лежали на моей талии так легко, что я то и дело косилась вниз, чтобы проверить, а касается ли он меня вообще, или просто парит рядом, изображая участие, и при этом его дыхание было таким тихим, будто он вообще не дышал, а просто экономил воздух для особенно романтического момента.

Он не говорил ни слова, только улыбался краешком губ и смотрел мне в глаза с таким выражением, будто решал, какой кровью запить этот ужин, моей или соседской, и я даже начала подозревать, что он мысленно уже прикидывает, кто из гостей более сочный, а кто — слишком постный для его изысканного вкуса. Я, в свою очередь, улыбалась в ответ и лихорадочно прикидывала, не порвется ли платье, если он резко дернет меня в повороте – а он дергал, и повороты у него были такие резкие, что моя прическа жалобно скрипнула, а шпильки, кажется, начали писать коллективное прощальное письмо моей голове, и я уже мысленно прощалась

с ними, как с лучшими подругами, которые решили уйти в закат, чтобы никогда не возвращаться. В конце танца он наклонился к моей руке — я уже приготовилась к холодному прикосновению губ, — но он просто выдохнул на запястье, отчего по коже пробежал мурашек, и прошептал:

- Вы восхитительны, найра. Я запомню этот миг навечно.

Я кивнула с королевским достоинством, мысленно добавив: «Запоминай, запоминай, только без фанатизма, у меня еще планы на орков», при этом я внутренне усмехнулась, потому что его «навечно» у вампиров — это не просто фигура речи, это буквально на пару тысяч лет, а я за это время успею выйти замуж раз пять, развестись трижды и открыть сеть бутиков по всему Растусу, так что его воспоминаниям придется конкурировать с моей деловой репутацией.

И стоило вампиру отступить в тень — он, разумеется, сразу же растворился в полумраке, чтобы произвести эффект, и сделал это так драматично, что даже полог заколыхался, будто вздыхая от восхищения, а пара свечей на ближайшем канделябре моргнула в такт его уходу, словно провожая его аплодисментами, — как передо мной вырос оборотень. Даже не вырос, а буквально материализовался из толпы, раздвинув локтями пару эльфов, которые после этого обиженно зашептались о том, что «эти собаки вечно не умеют себя вести в обществе», и случайно задев хвостом вазу с лилиями, которая от такого обращения жалобно звякнула и, кажется, навсегда потеряла одну из своих тычинок, навечно оставив

этот инцидент в своей цветочной памяти.

Он был огромен, плечист, пахло от него сосной и мокрой шерстью, причем запах был такой густой и настойчивый, будто он не просто прогулялся по лесу перед балом, а лично обнял каждое дерево на пути к замку и заодно искупался в ближайшем ручье, чтобы подойти ко мне во всей своей природной красе, а улыбался он так широко, что я разглядела все его клыки – включая те, которые, по идее, должны были прятаться только в боевом обличье, и которые, судя по блеску, были начищены до такого состояния, что в них можно было смотреться, как в маленькие кривые зеркала, отражающие моё слегка испуганное лицо.

- А ну-ка, красавица, покажем этим тощим ушастым, как надо танцевать! – рявкнул он вместо приглашения, причем рявкнул так громко, что у ближайшего эльфа задребезжал монокль, а у орка в углу дрогнула рука с бокалом, и я на секунду испугалась, что сейчас начнется межрасовая война из-за танцевального этикета, но оборотень даже не заметил произведенного фурора, и, не дожидаясь моего согласия, подхватил меня под локоть и выволок на середину зала, при этом его ладонь была такой горячей, что я мысленно поблагодарила местных богов за то, что выбрала для платья шелк, а не какой-нибудь легковоспламеняющийся шифон.

Мы отплясывали «варкский ход» – танец, который больше походил на дружескую потасовку под музыку: там надо было топтать ногами так, чтобы люстра дрожала и чтобы все феи в

оркестре в панике переглядывались, кружиться с размахом, будто ты пытаешься сбить противника с ног, и периодически подбрасывать партнершу в воздух, словно она мешок с картошкой, а не хрупкая модельерша, только что пережившая ухаживания вампира и эльфа. Оборотень подбрасывал меня с такой радостью, что я каждый раз успевала увидеть потолок, люстру и выражение ужаса на лице сидевшей на люстре Лиски, которая, наверное, уже мысленно заказывала мне новый гроб, а заодно прикидывала, как будет объяснять моей мамушке, что её дочь разбилась в лепешку не из-за коварного врага, а из-за слишком ретивого партнера по танцам. Но я держалась, даже когда он случайно наступил мне на подол, и я услышала, как бедный шёлк издал отчаянный треск, а мой внутренний модельер забился в истерике, причитая: «Прощай, любимый стежок!», и я уже мысленно начинала составлять план экстренного ремонта прямо в дамской комнате, прихватив с собой иголку с ниткой, которые я предусмотрительно зашила в потайной карман — спасибо моей земной привычке всегда быть готовой к любым неожиданностям. В финале оборотень, довольный, как щенок, который принес палку, громыхнул:

- Отличная ты баба, найра! Давай еще! – и я, поправив съехавшую набок брошь, которая чудом уцелела в этом вихре, и мысленно пообещав себе, что завтра же пришью к ней дополнительную застёжку, вежливо, но твердо отказалась, сославшись на усталость и на то, что мои туфли уже подали

заявление о выходе на пенсию, и, судя по тому, как жалобно скрипнули их каблуки при очередном шаге, они были абсолютно серьезны в своем решении, и мне пришлось пообещать им завтра же роскошный отдых на бархатной подушке в обмен на еще один круг, который я, к счастью, уже не планировала.

Глава 3

После танцев я, честно говоря, чувствовала себя так, будто меня пропустили через мясорубку и слегка отжали – ноги гудели, как уставшие органные трубы, шпильки молили о пощаде, причем каждая из них, кажется, уже писала завещание своей соседке, а платье, хотя и выдержало натиск оборотня, издавало подозрительный шелест при каждом вдохе, будто тихонько перешептывалось с моим корсетом о том, не пора ли им обоим подать коллективное заявление об увольнении с моей фигуры. Я с блаженным вздохом опустилась на маленький диванчик в углу зала, обитый бархатом такого глубокого бордового цвета, что он почти сливался с вампирскими плащами, и я на секунду испугалась, что если замешкаюсь, то растворюсь в этой мебели навечно, став еще одним экспонатом замковой обстановки, и позволила себе на секунду прикрыть глаза, чтобы хотя бы мысленно пересчитать свои уцелевшие шпильки, а заодно проверить, все ли мои пальцы на ногах еще на месте, потому что оборотень пару раз так лихо меня крутанул, что я всерьез подозревала потерю конечностей.

Но не тут-то было – местные аристократки обладали нюхом на свежие наряды почище, чем оборотни на свежее мясо, и уже через мгновение ко мне подседа первая дама, вся в кружевах и с таким высоким воротником, что она могла бы

соперничать с башнями моего замка, и я даже задумалась, не использует ли она этот воротник как тайное оружие – чтобы в случае спора задушить собеседницу своим же собственным кружевным великолепием.

Это была эльфийка – худая, как тростинка, с длинными ушами, унизированными серьгами до плеч, и таким пронзительным взглядом, будто она оценивала не просто платье, а всю мою родословную по ниткам в шве, и при этом она еще и голову наклоняла то влево, то вправо, словно пыталась уловить недостатки, которые я сама, будучи модельером, заметила бы только под лупой в ярком свете магической лампы.

– О, найра Анастасия, – пропела она мелодичным голосом, который явно тренировали на лесных полянах, возможно, в компании соловьев и ручьев, потому что в каждой ноте звучала такая природная сладость, что у меня чуть не заныли зубы, – ваше платье просто божественно! Скажите, кто этот гениальный мастер? Я объездила полмира, знаю всех портных от Столицы до Южных болот, но такой посадки по фигуре я не видела даже у придворных модельеров – они, знаете ли, все на одно лицо шьют, хоть эльфа, хоть человека, хоть тролля, а у вас тут явно рука мастера с душой, причем мастера, который, я чувствую, понимает не только ткань, но и женское сердце, потому что каждая складочка на вашем платье словно шепчет о том, что вы знаете, чего хотите от жизни, и это меня восхищает и одновременно пугает, честно говоря.

Я открыла глаза и мило улыбнулась – тренированной улыбкой, которая уже успокоила не одну ревнивую невесту на Земле, когда они пытались выведать у меня, не сшила ли я такое же платье для их соперницы, и при этом я чувствовала, как моя рука уже тянется к потайному карману за визиткой – той самой, которую я заранее наготовила для таких вот разговоров, с золотым тиснением и запахом лаванды, чтобы клиентки сразу понимали: я не просто портниха, я – целое событие в их гардеробной жизни.

– Это работа моей личной швеи-мастерицы, – ответила я с придыханием, будто речь шла о древнем артефакте, способном превращать свинец в золото или, на худой конец, делать любую фигуру идеальной без диет и магических упражнений, – она живет в уединенном поместье на границе с дикими землями, где, по слухам, даже гоблины боятся показывать нос после заката, и работает только по специальному заказу, потому что она, видите ли, питается исключительно вдохновением и редкими травами, которые растут только под полной луной, и если заказ ее не вдохновляет, она просто отправляет обратно ткань с вежливой запиской: «Простите, но ваше платье меня не цепляет». Невероятный талант, знаете ли, она чувствует ткань кончиками пальцев, а кроит без лекал – просто смотрит на клиентку и уже видит готовый образ, словно у неё вместо глаз магический кристалл, который к тому же еще и предсказывает, в каком именно свете эта клиентка будет выглядеть наиболее выигрышно, и даже подска-

зывает, какой цвет помады лучше надеть, чтобы не затмить собственное декольте.

Эльфийка округлила глаза и немедленно перегнулась ко мне через подлокотник, едва не свалившись на пол, и я на секунду испугалась, что ее многочисленные серьги зацепятся за бархат дивана, и мне придется вызволять ее из этой ловушки, как рыбу из сети, а она уже дышала мне в лицо с таким энтузиазмом, что я почувствовала легкое головокружение от смеси ландышей и чистого аристократического нетерпения.

– И как же мне найти эту мастерицу? У меня через месяц бал в честь помолвки старшей дочери, а местные портнихи предлагают либо мешок с рюшами, либо голое тело с ленточкой – я хочу что-то изысканное, с глубоким вырезом, но чтобы в то же время ни один старый родственник не упал в обморок от стыда, потому что моя свекровь, вы же понимаете, обожает драматизировать и при малейшем декольте хватается за сердечко и требует вызвать лекаря, а мне потом объяснять, что это не инфаркт, а просто зависть к моей фигуре!

Я с пониманием кивнула, прикидывая, что это будет мой первый крупный заказ, и, судя по размаху эльфийских жестов, далеко не последний, и принялась расспрашивать про цвет её глаз, которые, кстати, оказались изумрудными, что давало мне огромное поле для моего любимого зеленого и золотого в палитре, про фасон, про то, сколько слоев она лю-

бит в юбке, и при этом, не моргнув глазом, выдавала ей такие детали, что сама удивлялась своей фантазии – например, про тайный карман для любовных записок, который я «случайно» вспомнила как фишку этой мастерицы, попутно прикидывая, что моя «мастерица» станет отличным прикрытием для всех будущих нарядов, и что мне, возможно, стоит даже нарисовать ей портрет и повесить в мастерской, чтобы никто не сомневался в ее существовании, когда я буду загигать цены в два раза выше рыночных.

– Я передам ей ваш заказ, – мурлыкнула я доверительно, при этом внутренне уже примеряя эльфийку на свой будущий манекен и прикидывая, сколько метров шелка уйдет на этот изумрудный шедевр, – но она принимает плату не монетами, а редкими тканями или старинными выкройками. Если у вас завалился кусок паучьего шелка, который, говорят, мягче облака и прочнее драконьей чешуи, или эльфийское кружево из вашего родового сундука, которое ваша прабабушка привезла из самого Лунного Леса, это будет самый лучший вариант, она такое обожает, и я уже вижу, как ее пальцы будут дрожать от восторга при одном только прикосновении к такой ткани.

Эльфийка аж захлопала в ладоши, причем так энергично, что у нее с уха слетела одна сережка и покатилась по ковру, но она даже не заметила, пообещала прислать мне целый ларь с добром, где, по ее словам, «найдется и паучий шелк, и несколько забытых рулонов золотой парчи», и упорхну-

ла, оставив после себя аромат ландышей и ощущение, что я только что успешно продала воздушный замок с видом на море, причем дважды, потому что эльфийка уже кричала через плечо, что приведет еще трех подруг, которые тоже «очень ждут чего-то оригинального, а не этих унылых рюшей, которые шьют все подряд».

Не успела первая дама отойти – она ушла с видом инспектора, поставившего галочку в невидимый список, и при этом так гордо вскинула подбородок, будто только что лично одобрила мой допуск в высший свет, – как на её месте уже восседала вампирша, бледная, как свечной воск, с кроваво-красными губами и такой длинной шеей, что на ней можно было бы вешать бусы в три ряда, и я даже задумалась, не предлагать ли ей в качестве бонуса к платью специальный воротник-стойку, чтобы скрыть эту анатомическую особенность, если она вдруг застесняется, хотя, судя по её горделивой осанке, стесняться она не собиралась ничего, включая свои клыки, которые она демонстрировала при каждой улыбке, словно коллекцию фамильных драгоценностей. Она молча взяла меня за руку – холодной, как лёд, рукой, от которой у меня по коже побежали такие мурашки, будто я сунула конечность в ведро со снегом, – и провела пальцем по моему рукаву, словно пыталась прочесть по ткани мою судьбу, и при этом её ноготь, длинный и острый, слегка царапнул шёлк, и я внутренне сжалась, молясь всем растусским богам, чтобы она не продырявила рукав своим маникюром,

потому что тогда мне пришлось бы перешивать его заново до рассвета.

– Тонкая работа, – прошептала она голосом, от которого мурашки побежали даже по моей уставшей спине, и я на секунду почувствовала себя героиней дешёвого романа, где вампириша обязательно должна оказаться злодейкой, которая попросит платье, а потом откусит голову модельеру, но я отогнала эти мысли, потому что у меня были дела поважнее – например, не потерять сознание от её ледяного прикосновения, – где вы взяли этот шёлк? Я живу триста лет, но таких отливов не видела никогда – он то серебряный, то голубой, то лиловый, словно в него вплетены лунные лучи, и при этом он переливается так, что я даже боюсь носить его при свечах, потому что могу ослепить собственную родню, а они и так на меня косо смотрят из-за того, что я вышла замуж за младшего сына графа, а не за старшего, как им хотелось. Моя портниха – бездарность, она шьёт хуже, чем я пью кровь из пакетика – это, кстати, было не совсем честно, потому что у вампиров даже пакетики бывают разной степени свежести, и я знала это от Лиски, которая любила рассказывать сплетни о высшем обществе, – а я собираюсь на большой совет клана, где все будут в черном, как на похоронах, а я хочу сиять, но не как люстра, которая, знаете, может перегореть в самый неподходящий момент, а как северное сияние, вы понимаете, чтобы эти старые вампириши подавились своей завистью, и чтобы главный старейшина, наконец, заметил меня не в

качестве жены младшего сына, а как самостоятельную личность с безупречным вкусом!

Я подавила смешок, потому что её искреннее возмущение портнихой было таким живым, что я почти забыла о её кly-ках, и снова завела свою песню, мысленно добавляя в свой воображаемый каталог новый пункт: «для вампириш – особый серебристо-лунный отлив, гарантированно не вызывает свечения в ультрафиолете».

– У меня есть одна мастерица, она работает с редкими материалами, привозит их из-за моря – она, знаете, путешественница по призванию, и каждая ее вещь уникальна, потому что она не повторяет ни один фасон дважды, и если вы хотите быть единственной в своем роде на этом совете, то вы попали по адресу. Вот этот шёлк, к примеру, выткан из нитей, собранных с паутины горных троллей – они, правда, кусаются, и однажды чуть не откусили ей палец, но мастерица с ними договорилась, приносила им каждый день свежие ягоды, так что пауки сами приносят ей нитки по утрам, аккуратно сложенными в корзинку, будто это не паутина, а утренняя газета с доставкой на дом.

Вампириша скептически приподняла бровь – явно не поверила в троллей, потому что даже в Растусе горные тролли слыли созданиями настолько неуживчивыми, что с ними не могли договориться даже сами тролли, но улыбнулась кly-касто и призналась, что, впрочем, её не волнует, кто именно добывает нитки, главное – чтобы результат был, а уж исто-

рии она придумает сама для светских раутов:

– Я могу заплатить старинной брошью с рубином – он, говорят, принадлежал ещё моей прабабке, которая дружила с драконами, но я в это не особо верю, потому что прабабка была еще та врунья, она могла выдать обычного ящера за дракона, если он был достаточно крупным, и заставить поверить в это весь клан. Главное, чтобы мастерица успела до полнолуния – у нас тогда церемония, и если я не заткну всех этих длинноухих сплетниц своим платьем, которые уже разнесли слух, что я собираюсь прийти в прошлогоднем наряде, я просто не переживу следующего столетия, потому что эти эльфийки умеют делать такие кислые лица, что даже моя прабабка-врунья позавидовала бы их гримасам.

Я заверила её, что мастерица работает быстро, особенно если её вдохновляет хорошая оплата и отсутствие суеты, и при этом я так убедительно изобразила заговорщицкий шепот, будто мы обсуждали не пошив платья, а тайный заговор против клана эльфов, и даже подмигнула вампирше для пущей доверительности, хотя внутри меня уже распирало от гордости за свою импровизацию, и мы ударили по рукам – её ладонь оказалась ледяной, как могильная плита в феврале, но рубиновое обещание согрело мою душу куда лучше всякого чая, даже того, который заваривала Лиска с добавлением сушеных ягод и щепотки магии для бодрости. Она удалилась, оставив после себя запах старой пыли и дорогих духов, причем этот аромат был такой сложный и многослой-

ный, что я готова была поклясться, что в нем угадывались нотки вековых склепов, сушеных роз и капли крови для пикантности, а я мысленно уже прикидывала, сколько рубинов мне понадобится, чтобы купить новую швейную машинку с магическим приводом, которая бы сама заправляла нитки и не делала петли в самый неподходящий момент, потому что на Земле я только мечтала о таком, а здесь, похоже, могла себе это позволить, если клиентки будут так щедры.

Следом за ней, буквально оттеснив локтем какую-то гномью даму, которая после этого возмущенно фыркнула и что-то пробормотала про «бескультурных псов», ко мне подседа оборотница – румяная, с блестящими глазами и такой широкой улыбкой, что я невольно отодвинулась, чтобы она не проглотила меня вместе с диваном, и при этом от неё так мощно пахло лесом и дичью, что у меня на секунду закружилась голова, и я решила, что после бала обязательно проветрю платье, потому что этот аромат въестся в шелк быстрее, чем я успею сказать «стирка».

– Слушай, красавица, – гаркнула она на весь угол, причем гаркнула так, что у одного из эльфов дрогнул бокал, и он оглянулся с выражением обиженного оленя, – а где такое чудо взяла? Моя свекровь третий день пилит меня, что я на семейный ужин хожу в том же платье, что и месяц назад, а тут ты такая вся вылизанная, хоть на совет альфы, хоть на охоту, хоть на свадьбу к троллям – везде как с иголочки! Давай, колись, кто шил, а то я начну выть от зависти, а выть

я умею так, что люстры падают, и тебе потом придется объяснять гостям, почему в моем присутствии все хрустальные подвески начали дрожать, как осиновые листья.

Я терпеливо, хотя внутри уже закатывала глаза на счет пятого круга, и мысленно отсчитывала, сколько раз за вечер мне придется рассказывать эту сказку, и уже начала подумывать о том, чтобы напечатать визитки с кратким изложением легенды, повторила легенду, стараясь придать голосу таинственную глубину, будто я посвящаю её в великую тайну, которую нельзя разглашать даже под пытками в подвалах клана.

– Мастерница из глухого поместья, работает под заказ, никому не открывает адрес, потому что боится конкуренции и, честно говоря, недолюбливает шумные компании, но я, как её постоянная клиентка, могу замолвить словечко, если вы готовы ждать и не торопить её волшебные пальцы. Только она шьёт не из обычного шёлка, она любит грубые ткани – лён, шерсть, даже кожу, если надо, и у неё есть такой прием, что платье не рвется при трансформации, потому что она вплетает в швы заговорённые жилы горных козлов, а те, как известно, не рвутся даже под давлением целого стада горных троллей, так что ваш наряд переживет любые перевоплощения и даже случайный укус соперницы на совете.

Оборотница хлопнула меня по коленке так, что я подскочила и чуть не слетела с дивана, а моя прическа издала жалобный скрип, который, к счастью, заглушила музыка, и ра-

достно зарычала, причем этот рык был таким довольным, будто она только что поймала самого жирного зайца в округе.

– Вот это моя тема! Я же вечно на семейных сборищах то в волка обернусь невольно – особенно когда свекровь начинает говорить про наследство, – то в медведя, если кто-то из родни обидит моего мужа, – а платье трещит по швам, и свекровь такие глаза закатывает, будто я лично её фамильный герб порвала, а не просто случайно перекинулась на полуслове! А у твоей мастерицы заговорённые жилы – это ж надо, какая умница, я её расцеловать готова, даже в зверином обличье! Скажи ей, что я пришлю шкуру снежного барса – сама его убила, между прочим, на прошлой неделе, а не купила у барышников, которые продают подделки из кроликов крашенных, – и она мне соорудит такой наряд, чтобы я и в зверином обличье выглядела королевой, чтобы даже альфа обернулся и дважды подумал, прежде чем спорить со мной о границах охотничьих угодий!

Она снова хлопнула меня по плечу, на этот раз с такой силой, что я услышала, как моя правая ключица издала краткий, но выразительный хруст, и я на мгновение задумалась, не придется ли мне завтра обращаться к местному костоправу, который, по слухам, лечил даже драконов, но брал за это по три золотых за сеанс, и умчалась договариваться с мужем о доставке шкуры, при этом на ходу она что-то рыкнула своему супругу, который стоял у колонны с таким видом, будто

привык к таким поручениям уже лет сто, оставляя за собой шлейф соснового запаха такой интенсивности, что рядом с ней даже эльфийские духи казались бледной парфюмерной пародией.

За следующие полчаса ко мне подсаживались еще три эльфийки, и я начала подозревать, что на моем диванчике возник негласный график очередности, потому что каждая из них подходила с таким видом, будто отстояла в очереди как минимум полвека. Первая сразу выложила всё начистоту, даже не поздоровавшись, и я мысленно похвалила её за деловой подход, потому что на балу время было дороже, чем ткани на моем складе:

– Мне нужно венчальное платье с тысячей жемчужин – и желательно, чтобы оно светилося в темноте, потому что мой жених – тролль и плохо видит при свечах, у него, знаете, зрение приспособлено к пещерам, а не к бальным залам, а на нашей церемонии будет очень тусклое освещение, потому что его родня терпеть не может яркий свет и вечно ноет про головную боль. Он, конечно, милый, особенно когда не храпит и не пытается принести мне в подарок убитого кабана прямо на брачную ночь, но если я не буду сиять, он может случайно принять меня за вешалку и начать вешать на меня свои охотничьи трофеи, а я, честно говоря, не готова стать передвижным музеем его подвигов.

– Я передам ваше пожелание, – кивнула я, делая мысленную пометку, что придется искать светящиеся нитки, и при-

кидывая, не знает ли Лиска, у которой была целая коллекция магических приспособлений, где такие продаются, – и при этом я уже видела в голове эскиз: платье, которое будет мягко мерцать, как лунная дорожка на воде, и при этом не ослеплять бедного тролля, чтобы он все-таки разглядел в ней не вешалку, а свою суженую. – Мастерница любит нестандартные задачи, она точно что-нибудь придумает, особенно если вы скажете, что жемчуг можно заменить светящимися камешками из горных пещер, они дешевле и светят ничуть не хуже, а то тысяча жемчужин – это же целое состояние, и ваша свекровь-троллиха точно будет ворчать, что вы разорили род на платье.

Вторая эльфийка, более строгая и деловая, сложила руки на коленях и заговорила с напором аудитора, который уже видел все ваши финансовые махинации насквозь, и при этом она смотрела на меня так пристально, что я невольно выпрямила спину, будто на экзамене по магической экономике:

– Мне нужен строгий костюм для переговоров с гномами. Они, знаете, не воспринимают всерьёз тех, кто носит рюши, и если я приду в кружевах, они решат, что я пришла чай пить, а не требовать увеличения доли в золотых рудниках, я должна выглядеть так, будто сама могу пересчитать их золото и потребовать отчёт за каждую монету, а еще лучше – так, будто я знаю, где они прячут свои тайные запасы, о которых даже их король не догадывается. И обязательные тайные карманы в подкладке – для золота, разумеется, – чтобы

они думали, что я с пустыми руками пришла, а у меня там целый резервный фонд под сиденьем, которым я могу при необходимости заткнуть рот самому жадному из гномов, если он начнет торговаться.

Я понимающе поджала губы, вспомнив, как сама когда-то прятала в карманы клиенток запасные пуговицы и записки с адресами хороших ресторанов, и мысленно уже прикидывала расположение швов для этой деловой эльфийки, чтобы она могла доставать золото с таким изяществом, будто это просто носовой платок.

– Мастерница как раз специалист по невидимым карманам – она утверждает, что в каждый костюм можно вшить не меньше шести, если правильно расположить швы, и при этом ни один гном не заметит лишней толщины ткани, потому что она использует специальную технику плоского шва, которую вычитала в древней книге о контрабандистах, которая, кстати, до сих пор хранится в её библиотеке под замком. Я гарантирую, гномы точно примут вас за свою, и даже, возможно, предложат вам выпить с ними огненного вина в знак уважения, а это, как говорят, лучший способ добиться скидки на руду.

Третья, самая юная, застенчиво теребила край своей мант и краснела до кончиков ушей, причем краснела так густо, что её уши стали почти такого же цвета, как рубины у вампирши, и я сразу вспомнила себя в её возрасте, когда я тоже мечтала о розовых бантах и думала, что это главное в

жизни, а не практичность и скрытые швы:

– А можно мне такое же платье, как у вас, но только розовое и с большим бантом? Ну, чтобы я на бал к бабушке пошла, и все подумали, что я уже почти взрослая, а не просто ношу её старые обноски, которые она мне передала с тех времен, когда сама ходила на свидания с эльфийскими принцами, а теперь они уже не в моде, и все смеются над моим воротником, потому что он на три размера больше, чем надо, а я не умею шить и боюсь попросить портниху, потому что она всегда ругается на мои просьбы.

Я улыбнулась ей, прикидывая, что розовый шёлк и бант я пришью собственноручно, если девочка будет настаивать, и даже, возможно, добавлю немного блесток на подол, чтобы бабушка ахнула от восторга, и заверила её, что мастерица сделает всё в лучшем виде – хоть с бантом, хоть с крыльями, если она попросит, и что её бабушка точно будет гордиться, когда увидит внучку в таком наряде, и, возможно, даже перестанет ворчать, что современная молодежь носит слишком простые платья и не уважает традиции. Девочка расцвела и убежала, размахивая руками, как ветряная мельница, и я мысленно поставила галочку в своем списке: «сделать розовый бант таким огромным, чтобы он соперничал с размерами её ушей».

Затем подошли две вампириши – они спорили, буквально перебивая друг друга, и в итоге выдали мне совместный ультиматум, причем спорили они так яростно, что у одной

из них даже капнула кровь с клыка от напряжения, но она слизнула её с такой грацией, будто это было частью светского этикета:

– Нам нужны два одинаковых платья, но разного цвета – мне чёрное с алым, а ей – алое с чёрным, и чтобы разница была заметна даже при свете магических шаров, потому что если мы случайно перепутаем цвета, то весь клан будет неделю судачить о том, что у нас, видите ли, кризис идентичности и мы перестали различать собственные отражения в зеркалах.

– И чтобы мы в них не выглядели сёстрами, потому что мы, между прочим, двоюродные и друг друга терпеть не можем, и если хоть один гость на балу скажет: «Ах, какие вы похожие», я лично приду к вам ночью и перекрашу все ваши нитки в грязно-серый цвет, которым красят стены в подвалах!

– Главное – не перепутайте заказы! Если я увижу её в моём цвете, я устрою такую истерику, что ваша мастерица будет откашливать мои проклятия ещё сто лет, а я умею проклинать так, что даже у гоблинов волосы дыбом встают, а у них, как известно, волос почти нет!

Я поклялась всеми духами предков, которых, честно говоря, знала только по именам из матушкиных рассказов, и при этом подняла правую руку в самом торжественном жесте, какой только смогла изобразить, что мастерица подпишет каждое платье золотыми нитками по подолу с именем

заказчицы – крупно, разборчиво, с обязательной монограммой, да ещё и с маленькой капелькой крови владелицы, чтобы даже ночью и после бокала крови никто не перепутал, и если они случайно наденут чужое платье в темноте, то золотые буквы засветятся и закричат: «Не то!» – ну или хотя бы мерцают предупреждающе.

Одна оркша – высокая, с широкими плечами и голосом, как камнепад, который обрушивается на головы незадачливых путников в горах, – отодвинула сразу двух эльфов, причем сделала это так ловко, что те даже не поняли, что их отодвинули, и плюхнулась на диван так, что подушка вылетела из-под меня и укатилась куда-то под ноги гномьей даме, которая сдавленно пискнула и начала искать своё достоинство в виде упавшей диадемы.

– Слушай, человечка, – прогремела она, и от этого грома у меня заложило уши, а у соседнего столика звякнули бокалы, – я недавно познакомилась с одним милым оборотнем, он, правда, чуть ниже меня ростом, но это не важно, когда он в зверином обличье, он очень пушистый и умеет приносить палки, и мы решили сходить на танцы, но у меня есть одна особенность – когда я сильно волнуюсь, то превращаюсь в медведя. Прямо посреди зала. Прямо в платье. Причём в медведя я превращаюсь не какого-нибудь мелкого лесного, а такого, что люстра становится мне шапкой, а паркет трещит под лапами. Выдержит твоя мастерица такое испытание?

Я честно посмотрела ей в глаза, которые были малень-

кими и блестящими на фоне её огромного лица, и мысленно представила, как буду объяснять мастерице – которой, напомним, не существует, – что её вымышленное плетение должно выдерживать тонны медвежьей плоти в состоянии романтического восторга, и завершила с максимальной убедительностью:

– У мастерицы есть специальное укрепляющее плетение – она говорит, что оно держит даже драконью чешую, которую, между прочим, не пробить ни мечом, ни когтями, так что медведя тем более выдержит, если, конечно, он не решит танцевать чечётку на задних лапах, но я думаю, что ваш оборотень оценит даже более спокойные па. Если, конечно, вы не будете слишком активно махать лапами – это я уже для себя отметила, потому что мне как модельеру тоже важно, чтобы платье после танца можно было носить повторно, а не отдавать на растяжку или, хуже того, пускать на тряпки для чистки оружия.

Оркша довольно хрюкнула – причём так громко, что у неё из носа чуть не вылетело колечко, – пообещала прислать в подарок две медвежьи шкуры, которые она, по её словам, «специально приберегла для такого случая, потому что обычным подаркам человечки не радуются, а шкуры – это практично, и зимой тепло, и на стене красиво висят», – и удалилась, случайно задев люстру головой, отчего та жалобно зазвенела и, кажется, навсегда потеряла пару хрустальных подвесок, которые с тихим звоном упали на пол и были тут

же подхвачены услужливым фамильяром, который, видимо, уже привык к таким последствиям общения с оркшами.

И даже молодая гномка с бородкой, которая до этого стеснительно торчала у колонны, то и дело поправляя свою зачарованную пряжку на поясе, которая, судя по блеску, была сделана из чистейшего мифрила, и нервно переминаясь с ноги на ногу в своих тяжелых сапогах, которые явно видали не один бой с горными троллями, отважилась приблизиться и попросила, причем голос у неё был таким тихим и робким, что я едва расслышала её сквозь гул музыки и гомон гостей:

– Вы простите, найра, я, конечно, не такая богатая, как они, но мне бы такой же фасон, только в золотых тонах – у нас клановый праздник через месяц, и все мои подруги будут в медных, а я хочу выделиться, чтобы моя бабушка, которая всегда говорит, что я ношусь с молотком больше, чем с собственной внешностью, наконец-то увидела, что я могу быть не только кузнецом, но и настоящей леди, когда захочу. И главное – карманы! Мне нужны карманы для молотка и запасных серёг, потому что я вечно теряю одну, пока работаю в кузнице, и потом весь клан смеется, что я хожу с одной серьгой, как пират, только без корабля и команды.

Я кивнула с полной серьезностью, хотя внутри меня распирало от умиления при виде этой бородатой малышки, которая так трогательно мечтала о золотом платье, и пообещала, что мастерица сделает карманы невидимыми, но огромными – как для целой кузницы, – и при этом они будут за-

говорены так, что молоток никогда не оттянет ткань, а серьги сами собой найдут друг друга, даже если одна упадет в самый неподходящий момент, и что золотые нитки она специально закажет у гномов-ювелиров, которые живут в самой глубокой шахте и плетут нити из расплавленного золота, так что платье будет блестеть даже в полной темноте, даже если кто-то случайно погасит все магические шары на празднике. Гномка просияла так ярко, что её борода буквально засветилась от счастья, и убежала, шёпотом обсуждая с подругой будущий фасон, причем обсуждали они так оживленно, что я услышала слова про «огромный бант» и «вырез до пупа», но решила не вмешиваться, потому что у гномов свои понятия о красоте.

Каждой я рассказывала одну и ту же историю с небольшими вариациями – то мастерица, мол, училась у морских колдунов, которые живут на дне океана и постигали крой по волнам, причем волны, по их словам, самый лучший учитель драпировки, то работала при дворе императора духов и шила платья с такими вырезами, что даже охранники-духи, которые по идее не должны ничего чувствовать, краснели и отводили свои бесплотные взгляды, то и вовсе говорит на языках всех рас, чтобы понимать пожелания клиенток в мельчайших нюансах – от высоты каблука, которая не должна мешать быстрому бегу, до глубины декольте, которое должно быть достаточно смелым, чтобы привлечь внимание, но не настолько, чтобы ослепить старейшин, от цвета ниток до ма-

гической защиты от дождя, которая активируется автоматически при первых каплях и не даёт платью промокнуть даже во время ливня.

Я ни разу не упомянула про Землю, про свои эскизы на бумажных листочках, которые я часто прятала под подушку от Лиски, потому что она могла случайно использовать их для растопки камина, про то, что эту «мастерицу» зовут просто «я и моя швейная машинка», которая, кстати, иногда капризничает и пропускает стежки, когда я слишком устаю, и что все эти шедевры рождаются в моей мастерской под ворчание Лиски и стук иголок, пока я пью чай с молоком и ругаюсь на непослушный оверлок, который вечно путает нитки в самый ответственный момент. Аристократки расходились окрыленные – кто-то уже просил записать их в очередь, кто-то обещал прислать целые сундуки с изумрудами, которые, по их словам, «всё равно пылятся в подвалах и не приносят пользы», в качестве предоплаты, а одна особо впечатлительная вампирша, наслушавшись про троллю паутину, даже всплакнула и попросила, вытирая слезы кружевным платком, который, кажется, был насквозь пропитан ее эмоциями:

– Можно я поцелую край вашего подола? Я чувствую в этом платье столько магии, что мне кажется, оно способно исцелить даже старую родовую обиду, которая гложет мою семью уже пятьсот лет, и если я поцелую ткань, возможно, эта магия передастся и мне, и я наконец помирюсь с сестрой, которую не видела целый век!

Я вежливо отказалась, сославшись на то, что подол только что пережил оборотня и не готов к новым эмоциональным нагрузкам, и что ткань, хотя и зачарованная, вряд ли выдержит столько страсти в одном вечере, но в качестве утешения подарила ей лоскуток лишней ткани, который как раз оторвался от подкладки после танца с оборотнем, пообещав, что мастерица сошьёт из него платок для её семейного портрета – чтобы память о сегодняшнем вечере была не только в воспоминаниях, но и в ткани, и чтобы она могла прикладывать его к сердцу, когда ей будет грустно или когда она захочет вспомнить, что есть на свете такие чудесные вещи, как платья с душой.

К концу этого «приема на диване» я чувствовала себя не столько хозяйкой замка, сколько секретаршей с ненормированным графиком – на пятнадцать заказов вперёд, с примерными сроками, размерами, цветами, типами тканей и перечнем оплат от паучьего шелка до шкуры снежного барса, и я уже начала сбиваться в подсчетах, потому что некоторые клиентки говорили так быстро, что я едва успевала запоминать, кому из них нужен бант, а кому – светящийся подол.

Зато у меня в голове уже вырисовывался чёткий план на три месяца вперёд, и я мысленно прикидывала, сколько метров шёлка придётся заказывать у торговцев, которые берут втридорога за каждый рулон, сколько эльфийского кружева выменивать на семейные рецепты моей бабушки по маминой линии (я и их с собой прихватила с Земли, засунув в чемо-

дан между эскизами и запасными иголками, вдруг пригодятся), и сколько ночей мне придётся не спать, чтобы к зиме не только выйти замуж, как требовала матушка, но и открыть то самое модельное агентство, о котором я мечтала, пока матушка вздыхала над моим возрастом, а батюшка делал вид, что ничего не слышит, уткнувшись в свою газету про магические урожаи, хотя я точно знала, что он читает ту же страницу уже двадцать минут, украдкой поглядывая на меня с легкой улыбкой, которая означала: "Ну что ж, дочка, давай, удиви нас всех".

Глава 4

На следующее утро в замке пахло вчерашним вином, старой едой и пылью, оставленной после гостей – причем этот запах был такой густой и многослойный, что я могла бы разложить его на отдельные ноты: вот терпкий аромат эльфийского нектара, который они пили вместо воды, вот тяжелый дух оборотней, смешанный с сосной и потом, вот вампирские духи с оттенком склепа и роз, и даже легкий медный привкус, оставленный гномьей дамой с ее зачарованными сапогами, которые, кажется, искрили при каждом шаге.

Моя твердая решимость шить наряды слегка померкла, когда я открыла глаза и поняла, что мои ноги всё ещё помнят оборотня, а правая ключица издаёт подозрительный хруст при каждом движении руки, причем хруст этот был настолько выразительным, что я мысленно уже прикидывала, не заказать ли к завтраку не только чай, но и визит местного костоправа, который, говорят, умеет вправлять суставы даже драконам, если те слишком усердно танцуют на балах. Но заказы не ждут, аристократки не терпят проволочек, а моя домовушка, как выяснилось, уже с рассветом наводила порядок в моей рабочей комнате – той самой, которую я про себя называла «закулисьем», потому что там творилось настоящее волшебство, а Лиска – «складом кучи мусора и дурацких затей», потому что она не одобряла мою привычку

разбрасывать эскизы и иголки везде, где только можно.

Я спустилась туда в халате, который был когда-то небесно-голубым, а теперь больше напоминал цвет утреннего неба после дождя, с кружкой травяного чая, заваренного по ма-тушкиному рецепту, от которого, как уверяла Лиска, «и сон как рукой снимает, и аппетит просыпается, и даже магическая усталость испаряется быстрее, чем деньги у эльфов», и с таким выражением лица, будто собиралась не перебирать ткани, а вершить судьбы миров, – Лиска встретила меня у порога, уперев руки в бока и сверкая глазками, как две разгневанные звезды, которые вот-вот готовы были упасть на мою голову в виде очередной нотации.

– Ну наконец-то, соня! – фыркнула она, когда я переступила порог, причем фыркнула так звонко, что с полки упала катушка с нитками и покатилась под стол. – Я уже тут всё разложила, потому что если бы я ждала, пока ты соизволишь продрать глаза, мы бы к зиме даже иголку не нашли в этом бардаке, а мне еще нужно было убрать зал, перемыть посуду, проветрить спальни и отогнать трех летучих мышей, которые с рассвета пытались заселиться в вашу ванную, потому что им, видите ли, понравилась влажность!

Я окинула взглядом комнату – и надо признать, ворчание Лиски имело под собой основания. Помещение было просторным, с высоким потолком, на котором еще виднелись следы старой сажи от свечей, и тремя узкими окнами, через которые утренний свет падал полосами на деревянный стол,

заваленный рулонами тканей, коробками с нитками и целой коллекцией игл разного калибра, которые я собирала годами, включая одну тонкую, как волос, иглу, которой, по легенде, шила сама королева эльфов, но я в эту историю не верила, потому что купила её на базаре за три медяка.

В углу гордо высилась моя швейная машинка – старая, механическая, с ножным приводом, которую я привезла с Земли в чемодане, рискуя быть разоблаченной на таможне магического мира, при этом я так переживала, что всю дорогу шептала ей заклинания защиты, хотя, честно говоря, знала их всего два – от сглаза и от порчи, – хотя местные таможенники приняли её за артефакт неизвестного назначения и долго нюхали, не источает ли она злую энергию, и даже стучали по ней молоточком, проверяя, не живая ли она, а потом с недоумением пожали плечами и пропустили, решив, что это просто «странная человеческая игрушка».

Машинка была покрыта тонким слоем пыли, которую Лиска уже начала смахивать своей тряпкой с такой яростью, будто это была не пыль, а вражеские шпионы, пробравшиеся в мое святая святых, и при этом она бормотала что-то про «безответственных портних, которые не умеют ухаживать за инструментом».

– Лиска, прекрати полировать мою машинку до блеска, – буркнула я, садясь на табурет перед столом и отхлебывая чай, который обжег мне язык, но я сделала вид, что так и надо. – Она железная, она не обидится, а если ты продолжишь

тереть её с такой страстью, ты сотрешь не только пыль, но и краску, и тогда она будет выглядеть не как артефакт, а как старый уют с базара. Лучше скажи, что у нас есть и чего нам катастрофически не хватает, потому что у меня в голове уже пятнадцать заказов, и они все требуют разных тканей, и если мы не разберемся с запасами, я буду шить эльфийке свадебное платье из занавесок, а вампирше строгий костюм из мешковины, и тогда меня точно проклянут на ближайшие сто лет.

Домовушка закатила глаза так выразительно, что я на секунду испугалась, не застрянут ли они там навсегда, и при этом она смахнула с уголка стола пыль, которая тут же улетела прямо мне в лицо, словно месть за мою лень, и начала перечислять с такой скоростью, будто читала заклинание:

– Шелка у нас три рулона, но один с дырой, которую мыши прогрызли в прошлом месяце, другой бледный, как я сама без ужина, а третий вообще серый и похож на драное облако, так что нормального нет совсем. Кружева есть эльфийские, но только две катушки – на три платья не хватит, а на пятнадцать и подавно. Нитки золотые закончились вчера, когда я перевязывала твои любимые ножницы, потому что они отказывались резать бумагу, а иглы мы потеряли половину в ковре после того, как ты уронила коробку в прошлую пятницу. В общем, Настька, если ты хочешь открыть своё агентство, нам нужно либо грабить караваны с товарами, либо договариваться с гномами, чтобы они тебе всё привезли, но у них

цены такие, что даже я теряю сознание, когда слышу их расценки.

– Не хватает всего, Настыка! – провозгласила она, взмахивая тряпкой, как дирижёрской палочкой, причем взмах был таким резким, что с полки слетела еще одна катушка и, к счастью, приземлилась прямо в корзину с обрезками, будто сама знала, куда ей надо. – Ты вчера наобещала этим нарядным курицам полкоролевства, а у нас, прости господи, даже нормального серебряного шёлка нет, чтобы на одну юбку хватило, не то что на целый гардероб для клана Нортон! Я тут разложила всё по кучкам – смотри сама, если глаза не слиплись и если ты еще способна отличить атлас от сатина после вчерашнего танца с этим лохматым оборотнем, который, между прочим, чуть не раздавил мою любимую люстру своим хвостом!

Она указала на стол, где действительно были аккуратно – для неё необычайно аккуратно, потому что обычно она складывала вещи в стопки, которые разваливались при первом же взгляде, – разложены мои запасы. Я подтянула кружку поближе, мысленно благодаря матушку за рецепт бодрящего чая, который начинал действовать уже на третьем глотке, и начала ревизию, попутно делая мысленные, а потом и письменные пометки в блокноте, который всегда лежал у машинки на случай внезапного вдохновения, и который, кстати, Лиска тоже успела протереть, потому что на обложке не было ни пылинок.

Первой в кучке «наличного добра» лежал большой отрез молочного шёлка – это был тот самый материал, из которого я шила вчерашнее платье, и который, судя по ощущениям, еще помнил прикосновения эльфа, вампира и оборотня, а может, даже и дыхание той впечатлительной вампирши, которая хотела поцеловать подол. Осталось примерно метра три – достаточно на что-то небольшое, но явно не на венчальный наряд эльфийки с тысячей жемчужин, которую, кстати, я уже мысленно наряжала в эту ткань и понимала, что если добавить к ней еще немного волшебства, то можно растянуть материал до нужного объема, но для этого придется использовать магию иллюзий, а я в ней была не сильна.

– Это мы оставим на запас, – сказала я, глядя ткань рукой, которая все еще слегка дрожала после вчерашней нагрузки, и при этом я уже прикидывала, что из этого куска можно сшить шикарный шарф для той юной гномки, если она вдруг передумает насчет золотого платья. – Если кто-то закажет короткий топ или шарф или, например, накидку для домашнего бала, нам хватит. А для серьёзных вещей придётся закупаться, и закупаться серьезно, потому что аристократки, как я поняла, не любят повторяться.

Лиска тут же подскочила с блокнотом, который она где-то раздобыла – похоже, стащила из кабинета батюшки, потому что на обложке еще виднелся герб нашего рода, – и грозно уставилась на меня, при этом её глаза сверкали так, будто она собиралась не записывать заказы, а объявлять войну всему

текстильному бизнесу Растуса.

– Пиши: шёлк молочный – ещё пять метров, причем са-
мого лучшего качества, не того, что привозят с южных бо-
лот, потому что там шёлк слишком грубый и натирает кожу.
И серебряный – метра четыре, потому что та вампирша из
клана Нортов, с длинной шеей и клыками, будет в серебре, и
если мы пришлём ей что-то с блёстками вместо настоящего
металла, она выпьет всю мою кровь, а я, между прочим, ещё
молодая домовушка, мне жить и жить, и я не собираюсь ста-
новиться закуской для какой-то бледной аристократки, даже
если у неё фамильный склеп размером с этот замок!

Я послушно записала, стараясь разобрать свои же караку-
ли, которые от утренней сонливости напоминали вязь гор-
ных троллей, добавив пометку жирными буквами: «Вампир-
ша – смертельно опасна, серебро – срочно, иначе Лиска ста-
нет закуской».

Вторая кучка была из льна – грубого, натурального, се-
ровато-бежевого, пахнущего чем-то деревенским и уютным,
которого у меня оказалось целых семь метров, и я даже уди-
вилась, что у меня столько, потому что обычно я покупаю
лен только для образцов и подкладок. Я задумчиво пожевала
кончик карандаша, который от усердия начал оставлять на
зубах следы свинца, и прикинула, кому из клиенток можно
предложить этот материал.

– Это я припасла для оборотницы, если она закажет что-то
повседневное, – пробормотала я, проводя пальцами по гру-

бой ткани и вспоминая, как она хлопала меня по плечу так, что хрустнула ключица. – Но она вчера просила наряд из заговорённых жил горных козлов, а где я их возьму – одни боги знают, да и те, судя по их молчанию, не собираются мне подсказывать. Может, предложить ей льняной костюм с заговорёнными швами? Или просто надеяться, что она забудет про козлов, пока я буду придумывать другую легенду?

Лиска подбоченилась, при этом она так резко выпрямилась, что её маленькая фигурка стала похожа на вопросительный знак, и её тряпка, забытая в руке, теперь свисала вниз, как белый флаг капитуляции перед моим упрямством.

– Настька, ты хоть понимаешь, что заговорённые жилы – это не ткань, а легенда? Их в природе не существует! Ты же сама всё выдумала на ходу, чтобы произвести впечатление, а теперь эта оборотница пришлёт шкуру, и что ты будешь делать? Шить ей наряд из собственного воображения? У меня, конечно, магии немного, но даже я не смогу превратить обычную бечёвку в жилы горных козлов, если эти козлы, между прочим, водятся только в старых сказках, которые рассказывают на ночь непослушным эльфам!

– Знаю, – вздохнула я, почёсывая затылок, и при этом с моего пальца слетела нитка, которая застряла в волосах ещё со вчерашней примерки. – Но если она пришлёт мне шкуру снежного барса, как обещала, придётся как-то выкручиваться. Буду вплетать в швы крепкую бечёвку – у меня есть одна, от старого мешка с мукой, – и говорить, что это древняя

магия, которую мастерица узнала от шаманов северных племён, а шаманы, как известно, не любят рассказывать секреты чужакам, так что никто не проверит. Она же не отличит бечёвку от жил, если я скажу, что они были обработаны лунным светом и высушены на ветру, а сверху ещё и лаком покрыты, чтобы не рвались.

Лиска посмотрела на меня с таким выражением, будто я только что предложила скрепить платье гвоздями, и даже открыла рот, чтобы что-то возразить, но потом, видимо, прикинула, что спорить со мной в таком состоянии – всё равно что переубеждать тролля в его любви к сырому мясу, и промолчала, ограничившись тем, что закатила глаза и что-то буркнула про «творческих личностей, которые однажды доведут свою домовушку до инфаркта».

Третья кучка состояла из разных цветных лоскутков – красного, синего, зелёного, – которые я собирала для образцов и пробных эскизов, причем некоторые из них я привезла с Земли, купив на распродаже, а некоторые выменяла на местных ярмарках у торговцев, которые смотрели на меня с подозрением, но всё равно продавали, потому что я платила без торга. Их было немного, но для демонстрации возможностей вполне хватало, чтобы показать клиенткам, что я не шучу с цветовой палитрой.

– А вот это мы покажем клиенткам как коллекцию расцветок, – сказала я, разглаживая красный кусок, который был таким ярким, что даже на утреннем свете казался горящим.

– Пусть выбирают, какой им нравится, а мы потом докупим нужное количество, потому что у торговцев есть все цвета, если знать правильные заклинания для убеждения – а я знаю, потому что Лиска научила меня паре фраз на гномьем языке, которые действуют на них как красная тряпка на быка, только в хорошем смысле. И ещё нужно где-то раздобыть золотые нитки для гномки – она специально просила, чтобы блестело в шахте, а я, конечно, могу покрасить обычные, но это будет нечестно, и гномы, они же чувствуют подделку за версту, у них нюх на металлы как у собак на кости, так что придётся искать настоящие.

– Честно, нечестно, – передразнила Лиска, записывая в свой блокнот, при этом она так сильно давила на карандаш, что я слышала, как хрустнула бумага. – Ты вообще вчера была честна, когда врала про паутину горных троллей, про морских колдунов и про то, что мастерица говорит на всех языках мира, включая язык драконов, которые, между прочим, уже тысячу лет как вымерли, если верить учебникам по истории магии?

– Это не врала, а творчески интерпретировала реальность, – парировала я, и мы обе усмехнулись, потому что каждая из нас знала, что это было чистой воды враньё, но такое вкусное и артистичное, что даже совесть, если она у меня была, не возражала, предпочитая отмолчаться в углу.

Дальше пошли мелкие, но жизненно важные запасы: нитки. У меня были катушки с хлопком – белым, чёрным и се-

рым, – которые я использовала для наметки и предварительных швов, несколько мотков цветного шёлка для вышивки, привезённых с Земли в отдельном мешочке, который я прятала от Лиски, потому что она любила перебирать мои вещи и комментировать каждый оттенок, и целый короб игл – от тончайших, почти невесомых для шёлка, до толстых, почти как шило для кожи, которые я купила у местного оружейника, потому что он уверял, что такие иглы годятся даже для драконьей чешуи, хотя я в это не особо верила, но на всякий случай держала их в самом дальнем ящике, под замком, чтобы случайно не пораниться.

– Иглы есть, – констатировала я, пересчитав их на всякий случай, хотя Лиска уже тыкала пальцем в пустую ячейку коробки, и делала это с таким видом, будто я лично виновата в том, что иголки разбежались по мастерской в поисках лучшей жизни. – Но не хватает штопальных – для утолщённых швов, потому что плотные ткани вроде кожи или грубого льна не прошьёшь тонкой иглой, она просто сломается, как моя надежда на спокойное утро. И ещё специальных – для бисера, если кто-то из дам решит, что ей нужны вышитые цветы или, скажем, целая галактика из стекларуса на корсаже – я уже видела эту молоденькую эльфийку, которая готова заказать не платье, а целый звездопад, и мне придется как-то это воплощать.

– Запиши: штопальные иглы – десять штук, – скомандовала Лиска, и её голос прозвучал так, будто она объявляла

приказ о мобилизации. – И ещё булавки, потому что у нас булавок – раз-два и обчёлся, и то половина из них погнулась после того, как ты вчера в спешке уронила коробку и наступила на них каблуком, а я потом собирала их по всему полу и мысленно проклинала твою любовь к высоким сапогам. А вчера я видела у этой пышной оркши такую брошь, что её можно было бы приколоть к платью вместо ста наших булавок, но она же её не отдаст, потому что эта брошь, по слухам, досталась ей от прабабки, которая была шаманкой и заколдовала её так, что она отпугивает назойливых эльфов, а оркша таких эльфов терпеть не может, так что не надейся!

Я закатила глаза, но послушно записала в блокнот жирными буквами: «булавки – много», и даже нарисовала рядом три восклицательных знака, чтобы не забыть, что это срочно, как письмо от рассерженной вампириши.

Затем мы перешли к самому больному – швейной машинке. Я откинула чехол, который Лиска уже успела пропитать запахом лимонного масла, так что теперь машинка пахла не железом и пылью, а как-то празднично и свежо, и осмотрела её с профессиональным прищуром, проверяя каждый винтик и каждый рычаг, потому что за годы работы я научилась определять неисправность по звуку – как ветеринар по рычанию больного волка. Старушка была в рабочем состоянии, но после вчерашнего переезда и долгой дороги, когда она провела в чемодане почти двое суток, трясясь на магических повозках, явно требовала внимания.

– Масло есть? – спросила я у домовушки, уже зная ответ, но проверяя, чтобы соблюсти ритуал.

– А как же, – фыркнула та, вытаскивая из-под стола замызанную маслёнку, которую она, кажется, прятала от меня специально, чтобы я не лила масло слишком щедро. – Я уже смазала все шестерёнки, пока ты дрыхла и видела сны про своих прекрасных принцев, хотя, судя по вчерашним танцам, тебе стоило бы бояться не принцев, а их лап, клыков и когтей. Хоть какая-то польза от моей бессонницы, кроме того, что я теперь знаю, как выглядит потолок в четыре утра, когда все нормальные духи отдыхают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.